Евреи въ Москвѣ.



страница изъ исторіи современно Россіи



Составлено по неопубликованнымъ документамъ.



Берлинъ.
Изданіе Іоанна Рэде
1904.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
612
29

Массовыя выселенія евреевъ изъ Москвы, начавшіяся съ первыхъ дней 1891 г., съ момента полученія первоначальныхъ извѣстій о назначеніи въ Москву ея нынѣшняго Генералъ-Губернатора, и продолжавшіяся съ небывалой и все возрастающей энергіей во все послѣдующее время, займутъ безспорно одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи русскихъ евреевъ конца нашего вѣка.

Высочайшее повелѣніе 29 Марта 1891 г. поражало только евреевъ ремесленниковъ, но мѣстная администрація сразу раздвинула рамки, начавъ поголовное выселеніе и той категоріи лицъ, которыя жили подъ охраной дважды подтвержденнаго циркулярнаго распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшаго въ Мартѣ 1880 года*). Люди, прожившіе въ Москвѣ 20—30—40 лѣтъ, должны были въ короткіе сроки распродать свое имущество и уѣхать. Кто не успѣвалъ, по бѣдности, исполнить требованія полиціи, кто не успѣвалъ за безцѣнокъ продать свою жалкую рухлядь, — а были случаи продажи всей обстановки за 1—2 рубля бѣдняками, жившими въ мѣстности, называемой Марьиной Рощей, — тотъ по-

*) См. примѣчаніе въ концѣ.

двергался аресту, заключался въ пересыльную тюрьму наравнѣ съ преступниками и всякимъ безпаспортнымъ сбродомъ, ожидавшимъ очереди для отправки по этапу. Здѣсь эти люди, которые всю свою жизнь честно трудились изо дня въ день ради куска насущнаго хлѣба, очутились подъ властью тюремныхъ надзирателей, обращавшихся съ ними нисколько не лучше, чѣмъ съ приговоренными къ каторгѣ преступниками. Въ такой обстановкѣ они проводили иногда по нѣскольку недѣль и затѣмъ толпами отправлялись на родину, которой многіе никогда не видали или давно забыли. Передъ зданіемъ тюрьмы лицамъ непривиллегированныхъ сословій (ремесленники почти безъ исключенія мѣщане, т. е. непривиллегированные) надѣвали деревянныя наручники, о чемъ и дѣлалась отмѣтка въ препроводительномъ листѣ, составлявшемся въ Губернскомъ Правленіи, — подъ рубрикой „въ какомъ видѣ“ отправляется по этапу. Много рыданій слышали и много слезъ видѣли стѣны пересыльнаго замка. Трудно сказать въ точности, сколько народу прошло чрезъ эти ужасныя пытки безъ суда, — нѣкоторые такъ и умерли въ тюрьмѣ, не дождавшись этапа (напримѣръ мѣщанинъ Швадеръ, Аврумъ Букштейнъ и др.).

Кто могъ, у кого были хотя-бы самыя жалкія средства, отправлялся въ черту осѣдлости на свои средства; помощи, на скорую руку организованной единовѣрцами, — при снисходительнѣйшемъ,

замѣчу кстати, попустительствѣ администраціи, основательно разсчитывавшей еврейскими-же руками нѣсколько затушевать ужасающую картину бѣдствій разгрома и разоренія, — помощи этой, не взирая на всю значительность собранныхъ средствъ, доставало только на избавленіе многихъ отъ страданій и позора тюрьмы, этапа и наручниковъ. Но что можно сдѣлать, когда внезапно срываются съ насиженныхъ гнѣздъ тысячи семействъ тружениковъ, когда бѣда несется такой лавиной, что даже измученное и раскрытое бѣдѣ еврейское сердце не вмѣщаетъ горя. Люди прятались въ холода на кладбищахъ, чтобъ избѣгнуть тюрьмы и этапа; женщины едва-ли не на вокзалѣ рожали; было много случаевъ выселенія больныхъ, которыхъ на вокзалъ привозили въ каретахъ, а въ вагонъ переносили на носилкахъ, напр. Яковъ Натанъ Фриденсонъ, который затѣмъ и умеръ въ г. Лодзи. Къ чести полицейскихъ участковыхъ врачей надо сказать, что хоть и рѣдко, но бывали случаи такіе, что и они признавали передвиженіе опаснымъ; тогда призывалось на помощь разсужденіе о хронической болѣзни, и больной перевозился въ мученіяхъ на вокзалъ, такъ какъ нельзя-же было ожидать выздоровленія отъ хронической болѣзни. Говорятъ, что знаменитый романистъ гр. Л. Толстой самъ видѣлъ въ прекрасную морозную январьскую ночь толпы невольныхъ переселенцовъ возлѣ Брестскаго вокзала, плохо одѣтыхъ, съ дѣтьми, съ стариками, женами и остатками иму-

щества, накопленнаго 30—40 лѣтней эксплоатаціей кореннаго населенія столицы и состоявшаго изъ котомокъ и жалкихъ сундучковъ.

Морозъ достигалъ 30 гр., и несчастіе было такъ очевидно, что, по представленію Московскаго Оберъ-Полицеймейстера, Генералъ-Губернаторъ распорядился о пріостановкѣ выселенія до прекращенія сильныхъ холодовъ; но было уже поздно. Описанныя картины и холода имѣли мѣсто передъ 14 Января, срокомъ, назначеннымъ для выселенія, а приказъ появился позднѣе. Этимъ спасена была честь русскаго сердца, и на страницы оффиціальной исторіи нельзя будетъ занести акта безсердечія, похожаго на средневѣковыя расправы во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ откровенности.

Каковы-же были результаты этого спасенія столицы отъ евреевъ?

Въ 1892 году представители самыхъ крупныхъ, исключительно русскихъ купеческихъ и фабричныхъ фирмъ подали Московскому Генералъ-Губернатору просьбу, въ которой указывали на вредъ и убытокъ, причиненный удаленіемъ евреевъ и стѣсненіемъ пріѣзда ихъ въ столицу, указывали, что для московской торговли существенно важно, чтобы евреи купцы имѣли пріѣздъ нѣсколько разъ въ году; значительная часть населенія Богородскаго уѣзда, Московской губ., занята кустарнымъ промысломъ шелковаго производства; преимущественными покупателями ихъ были купцы-

евреи, пріѣзжавшіе изъ черты осѣдлости, и московскіе евреи, проживавшіе въ Москвѣ до 1891 г. на различныхъ основаніяхъ и выселенные, какъ выше описано. Послѣ того наступилъ кризисъ кустарныхъ промысловъ Богородскаго уѣзда, многіе крестьяне раззорились и производство шелка значительно сократилось, торговые обороты уменьшились на сто милліоновъ и центръ торговли угрожаетъ перейти изъ Москвы въ Лодзь. Московскій Генералъ-Губернаторъ положилъ на эту просьбу такую резолюцію:

1 Августа 1892 г. № 16041 Господину Приставу Городскаго участка. Московскіе и Ивано-Вознесенскіе фабриканты и торговцы обратились къ Его Императорскому Высочеству Московскому Генералъ-Губернатору съ прошеніемъ объ изданіи облегчительныхъ правилъ относительно пребыванія и временныхъ пріѣздовъ въ Москву иногороднихъ купцовъ и прикащиковъ изъ евреевъ. Вслѣдствіе предложенія за № 2480 предписываю Вашему Высокоблагородію объявить просителямъ, проживающимъ въ Москвѣ, что по сношеніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи поселившимся въ столицѣ евреямъ купцамъ 1-ой гильдіи имѣть одного или двухъ прикащиковъ изъ единовѣрцеръ не признано подлежащимъ удовлетворенію, ибо упомянутые купцы на основаніи 12 ст. Уст. о пасп. могутъ держать только прикащиковъ, взятыхъ съ собой при переселеніи ихъ изъ черты осѣдлости въ Москву.

„Что-же касается ходатайства просителей объ измѣненіи правилъ, изложенныхъ въ 161 ст. Уст. о пасп., то таковое измѣненіе правилъ можетъ послѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ, почему означенное ходатайство по этому предмету будетъ имѣться въ виду при пересмотрѣ правъ евреевъ по торговлѣ.“ Подпись Московскаго Оберъ-Полицеймейстера.

Число ремесленниковъ въ Москвѣ, само собой разумѣется, сократилось, такъ какъ евреевъ ремесленниковъ не осталось; но дѣла христіанъ отъ этого не поправились, а населеніе терпитъ большія неудобства. По словамъ проф. Моск. Унив. И. И. Янжула, среднія хозяйства въ Москвѣ испытываютъ затрудненія, благодаря отсутствію евреевъ ремесленниковъ. Мелкія починки, поправки и дешевыя подѣлки негдѣ заказывать, русскіе ремесленники не принимаютъ такихъ заказовъ и ссылаются на то, что это было дѣло евреевъ, которыхъ теперь нѣтъ. Извѣстное безпристрастіе проф. Янжула и умѣнье его оцѣнивать экономическія явленія придаютъ его сообщенію, на которое онъ разрѣшилъ ссылаться даже въ печати, особенную цѣну. Въ заключеніе нельзя не сообщить рѣдкаго, трогательнаго и почти непонятнаго по своей психологіи факта. Многіе евреи, выселенные изъ Москвы, переѣхали на жительство и муку въ Варшаву и другіе города царства Польскаго. Здѣсь они встрѣтились съ коренными Польскими евреями, положеніе которыхъ и до наплыва новыхъ конкурентовъ было

достаточно плачевно; конечно, польскіе евреи встрѣтили припришельцевъ недружелюбно, но при этомъ замѣчательно, что послѣднихъ менѣе безпокоила конкуренція, чѣмъ пристрастное отношеніе мѣстныхъ евреевъ ко всему польскому. Называя себя русскими, изгнанники являли образцы патріотизма и во всѣхъ разногласіяхъ на первый планъ выставляли свои чисто русскія симпатіи. И этихъ странныхъ идеалистовъ, замученныхъ и опозоренныхъ, раззоренныхъ и обнищавшихъ, могли еще такъ живо занимать чувства и отвлеченные вопросы, чуждые многимъ изъ тѣхъ сухихъ чиновниковъ съ деревянными лицами и сердцами, которыхъ не смягчаютъ ни слезы, ни стоны больныхъ, ни родовыя муки женщинъ.

Дальнѣйшая забота Администраціи свелась къ тому, чтобы, по возможности, еще сократить число живущихъ въ Москвѣ евреевъ и всячески затруднить пріѣздъ евреевъ изъ черты осѣдлости. Кромѣ условій, предусмотрѣнныхъ Закономъ (Ст. 12. 161 уст. о пасп. и бѣгл. т. XIV Св. Зак. изд. 1890 г.) изобрѣтательность полиціи создала цѣлый рядъ новыхъ формальностей для временнаго пребыванія евреевъ въ Москвѣ. Прикащики должны представлять свидѣтельства о болѣзни своихъ хозяевъ и невозможности самихъ пріѣхать для покупки товара въ Москву; требуются свидѣтельства о добромъ поведеніи и производится постоянная провѣрка цѣли пріѣзда; лишь при наличности счетовъ, удостовѣряющихъ покупку товара,

разрѣшается пребываніе въ Москвѣ. Купцы 1 гильдіи, пробывшіе въ чертѣ осѣдлости 5 лѣтъ и перешедшіе затѣмъ въ 1 гильдію г. Москвы, могутъ привозить съ собою для торговли приказчиковъ изъ единовѣрцевъ, — съ разрѣшенія Генералъ-Губернатора; разрѣшенія такого добиться невозможно. Евреи, окончившіе Университетъ и приписавшіеся къ гильдіи, по закону имѣютъ право держать при себѣ приказчика изъ единовѣрцевъ — безъ особаго на то разрѣшенія; но въ Москвѣ необходимо просить о разрѣшеніи, затѣмъ производится разслѣдованіе, продолжающееся долгіе мѣсяцы, пока проситель, истомившись въ безконечномъ ожиданіи, не броситъ своего дѣла, или полиція не найдетъ болѣе или менѣе остроумнаго повода для отказа. Съ 1891 года и до послѣднихъ дней только одно такое ходатайство получило удовлетворительное разрѣшеніе. Во всемъ, что касается евреевъ, полиція проявляетъ неслыханное усердіе, и если-бы въ другихъ сферахъ государственной и полицейской службы мы встрѣтились съ такой рьяной настойчивостью, съ такой энергіей, находчивостью, неустаннымъ прилежаніемъ и изобрѣтательностью въ толкованіи закона сообразно съ духомъ времени, Россія не знала-бы многихъ бѣдъ и заботъ. Для поимки евреевъ организованы были ночные обходы полиціи, окружавшей намѣченные заранѣе дома, подворья и улицы; полицейскіе агенты врывались въ квартиры и въ меблированныя комнаты, и тутъ-же, не стѣсняясь

ничѣмъ, не останавливаясь предъ женской стыдливостью, провѣряли права испуганныхъ, внезапно разбуженныхъ обитателей квартиръ и немедленно арестовывали тѣхъ, кто осмѣлился спать въ столицѣ, не позаботившись о предварительномъ на то разрѣшеніи полиціи.

Въ Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи сплошь и рядомъ можно читать о назначеніи повышенныхъ денежныхъ наградъ за поимки еврея, не имѣющаго права проживать въ столицѣ; наудачу возьмемъ № 276, 22 Октября 1897 г., и тутъ прочтемъ, что Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ назначаетъ одинаковое вознагражденіе за поимку 1 еврея и за поимку двухъ лицъ, обвиняющихся въ грабежѣ. Съ другой стороны, когда полиція совершаетъ акты явнаго беззаконія и въ усердіи своемъ доходитъ до того, что выселяетъ изъ Москвы лицо съ высшимъ образованіемъ, права котораго ужъ внѣ сомнѣнія даже для самыхъ рьяныхъ комментаторовъ закона, взысканіе, если оно иногда назначается расходившемуся ревнителю, отличается необыкновенною скромностью. На этихъ еще дняхъ Оберъ-Полицеймейстеръ опредѣлилъ сдѣлать выговоръ Приставу 2-го уч. Мясницкой части Шидловскому за явно произвольное и противозаконное выселеніе изъ Москвы еврея съ университетскимъ образованіемъ, имѣющаго и помимо того всѣ права на повсемѣстное жительство, и это ничтожное взысканіе печатается не въ Полицейскихъ

Вѣдомостямъ, для всеобщаго свѣдѣнія, подобно громкимъ извѣщеніемъ о наградахъ за поимку евреевъ, а въ приказѣ по Полиціи (17 Окт. 1897 г. № 230), разсылаемомъ лишь должностнымъ лицамъ. Большею-же частью остаются безнаказанными самыя явныя жестокости.

Въ 1895 или 1896 г. околоточный надзиратель 1 уч. Мясницкой ч., явившись въ 11 часовъ ночи въ квартиру купца Шлосберга, настойчиво требовалъ немедленнаго (т. е. сейчасъ-же ночью) выселенія мирно спавшаго и въ страшномъ испугѣ проснувшагося 10 л. племянника его, сына Царскосельскаго 1 гильдіи купца Виленкина; мальчикъ пріѣхалъ къ дядѣ погостить, но полиція не усмотрѣла ни свидѣтельства о добромъ поведеніи, ни другихъ кабалистическихъ формальностей, безъ которыхъ не допускаютъ въ Москву купцовъ или ихъ дѣтей вопреки 12 ст. Уст. о пасп. Лишь присутствіе въ квартирѣ военнаго врача, эполеты котораго удержали полицейскаго агента, спасло мальчика отъ насильственнаго выселенія; но излишне говорить, что онъ на всю жизнь сохранитъ память объ этой сценѣ.

Какъ-бы для издѣвательства Московской Полиціей установлено правило — спеціально для евреевъ, — чтобъ на вывѣскахъ обозначались въ точности, кромѣ фамиліи также, имя и отчество, причемъ отчество пишется всегда съ краткимъ окончаніемъ, никогда не встрѣчающимся ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ торговой перепискѣ (напр. Берка Шліомовъ Гольд-

бергъ). И вотъ всѣ еврейскіе магазины украсились уничижительными, непривычными для русскаго ума именами Шлемки, Либы, Таубки, Ривки и т. п., вывезенными изъ черты осѣдлости, представляющими большею частью искаженный всякими писцами переводъ съ жаргона, испорченнаго нѣмецкаго языка, на которомъ имена эти далеко не имѣютъ унизительнаго характера. Законъ требуетъ, чтобы евреи именовались тѣми именами, которыя значатся въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ и которыя часто искажаются безграмотными писарями учрежденій, выдающихъ документы, иногда передѣлываются самими евреями на соотвѣтствующія русскія (Шлейма-Шліома-Соломонъ), сообразуясь съ новыми условіями жизни среди чисто русскаго населенія и т. п. Въ послѣднее время все чаще встрѣчаются въ метрикахъ евреевъ чисто русскія имена, такъ какъ неоднократно было разъяснено, что у евреевъ нѣтъ святцевъ и они вольны въ выборѣ именъ, тѣмъ не менѣе, власти не могутъ ни понять этого, ни привыкнуть къ тому, что еврей носитъ настоящее русское имя, не смѣшное и не унизительное, полицейскія власти считаютъ это просто на просто неслыханною наглостью, и сплошь и рядомъ приходится несчастнымъ носителямъ этихъ именъ выслушивать со стороны полиціи возраженія, пошлыя шутки и глумленія по этому поводу. Поэтому полиція съ радостью отмѣчаетъ искаженныя жаргономъ библейскія имена и

въ то время, какъ всякій купецъ можетъ писать на своей вывѣскѣ одну фамилію даже безъ начальныхъ буквъ имени и отчества, еврею не разрѣшается повѣсить вывѣску, пока онъ не начертаетъ полнаго имени и отчества, и чѣмъ эти имена искаженнѣе и смѣшнѣе, тѣмъ съ большею точностью и рельефностью они должны быть выписаны; имя и отчество должны быть совершенно ясно изображены и такъ-же отчетливо выступать, какъ и фамилія. Въ разрѣшительныхъ бумагахъ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера оговаривается всегда, что разрѣшеніе дается съ тѣмъ, чтобы имя и отчество „онаго еврея“ было изображено „крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ“. Увлеченіе доходитъ до того, что на вывѣскѣ Товарищества на вѣрѣ, коего вкладчиками состоятъ евреи, выписываются поименно всѣ участвующіе. Такъ на вывѣскѣ Т. Дома Высоцкій и Ко. (Лубянско-Ильинскія Торговыя помѣщенія) красуется слѣдующая надпись: „Оптовая торговля развѣшаннымъ чаемъ Торговаго Дома В. Высоцкій и Ко. Учредитель 1-ой г. купецъ Іосифъ Яковлевичъ Высоцкій. Вкладчики на вѣрѣ пот. поч. гражданинъ Есель Шмерковъ Цетлинъ и 1-ой гильдіи купеч. жена Либа Вульфовна Гавронская.“

Здѣсь умѣстно будетъ привести ст. 81 Уст. Торг., изъ которой видно, что во всякомъ Т-вѣ на вѣрѣ имена вкладчиковъ не вносятся въ названіе фирмы, а замѣняются словомъ „Компанія“, но какъ правильно неоднократно заявлялъ на своихъ пріемахъ бывшій

Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ Власовскій, для евреевъ нѣтъ закона.

Во всѣхъ оффиціальныхъ отношеніяхъ, запросахъ, отвѣтахъ, резолюціяхъ и другихъ бумагахъ принято писать „еврей такой-то", замѣняя этимъ знаменитый желтый кружекъ на средневѣк. евр. плащахъ и давая этимъ знакомъ пароль всѣмъ, кто по ошибкѣ взглянулъ бы, на просителя или собесѣдника, какъ на человѣка, а не какъ на еврея. Нельзя не привести здѣсь интереснаго запроса, сдѣланнаго Оберъ-Полицеймейстеромъ одному изъ приставовъ: „сообщить свѣдѣнія о вѣроисп. пом. Евр. Раввина еврея имя рекъ".

Такое систематическое опозореніе цѣлаго класса тружениковъ не вызывало съ ихъ стороны до сихъ поръ ни одного протеста только вслѣдствіе паническаго страха и полной увѣренности, что борьба безполезна и что жалоба въ отдѣльности каждаго купца можетъ быть и будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ уважена въ какой нибудь послѣдней инстанціи, но тѣмъ временемъ мѣстныя власти найдутъ средства умѣрить чувство человѣческаго достоинства, возмущеннаго противъ незаслуженнаго позора и беззаконія.

Въ самое послѣднее время приняты новыя мѣры къ искорененію евреевъ изъ Москвы; онѣ заслуживаютъ особаго вниманія.

Наблюденіе за правами евреевъ организовано при охранномъ Отдѣленіи Московскаго Оберъ-Полицеймейстера слѣдующимъ образомъ. Назначены особые

полицейскіе надзиратели для поимки и ареста; не зная въ точности, кто изъ евреевъ имѣетъ право жительства и у кого этого права нѣтъ, эти слуги закона ловятъ на улицахъ и арестуютъ всѣхъ евреевъ или, лучше сказать, всякаго человѣка, которому Богъ далъ семитическій обликъ. Сосредоточивъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ торговой части города и около биржи, они ежедневно арестуютъ десять, двадцать человѣкъ, а тотъ день, когда арестованныхъ бываетъ менѣе 10 человѣкъ, полиц. надзир. называетъ во всеуслышаніе неурожайнымъ днемъ и поясняетъ словами: ловъ нынѣче маловатъ, такъ что слово ловъ стало именемъ нарицательнымъ для ловли евреевъ. Каждый еврей, схваченъ-ли онъ по дорогѣ на биржу или во время дѣловаго разговора съ русскимъ купцомъ, обязанъ на мѣстѣ доказать свое право пребыванія въ столицѣ; тяжесть доказательства возложена на него, а презумпція установлена противъ него. Если паспортъ не въ карманѣ, если у полицейскаго надзирателя появляется какое-либо сомнѣніе въ правахъ, еврей немедленно отправляется въ участокъ. Были случаи, что такому аресту подвергались или 1 гильдіи купцы, или евреи съ университетскимъ образованіемъ; лица эти въ негодованіи отказывались слѣдовать въ участокъ; тогда свистками сзывались городовые и дворники, сбѣгались зѣваки, и во главѣ толпы, глумившейся надъ захваченнымъ, послѣдій препровождался въ участокъ. Такимъ образомъ были аре-

стованы, между прочимъ, Московскій купецъ Бѣленькій, кандидатъ правъ Закъ (выпуска Моск. Университета 1887 г.), Дусманъ и другіе. Одинъ изъ нихъ (Закъ) подалъ жалобу Моск. Оберъ-Полицеймейстеру, но былъ чрезъ нѣсколько дней вызванъ въ Управленіе Сыскной Полиціи, и здѣсь ему объяснили, что въ жалобѣ его усматривается не личный протестъ, а кагальный, — что ему настоятельно рекомендуется передать своимъ единовѣрцамъ, что дѣйствія полиціи правильны, а всякія возраженія незаконны, неосновательны и безполезны, а самъ жалобщикъ поступитъ благоразумнѣе, если возьметъ обратно свое прошеніе, хотя-бы для того, чтобъ не подвергнуться выселенію изъ Москвы. Перечисленіе всѣхъ случаевъ немыслимо, а изобрѣтательность и цинизмъ въ толкованіи законовъ со стороны полиціи безпредѣльны. Одинъ надзиратель увидѣлъ въ пролеткѣ старика еврея, на ходу вспрыгнулъ къ нему въ экипажъ и потребовалъ паспорта (Моск. купецъ Якубъ). Минскій 1 г. купецъ Цукерманъ, имѣющій право пріѣзда въ Москву, для покупки товаровъ, прибылъ сюда во время еврейскихъ праздниковъ и не счелъ нужнымъ запастись доказательными документами и счетами; на вопросъ полиціи о цѣли пріѣзда, онъ заявилъ, что намѣренъ купить мануфактурный товаръ, но такъ какъ было извѣстно, что обыкновенно онъ пріѣзжаетъ по банковскимъ дѣламъ, состоя довѣреннымъ лицомъ банкирской конторы, то отвѣтъ его признали за явную ложь и ему пред-

писано было къ вечеру уѣхать. Телеграмма, посланная Оберъ-Полицеймейстеру, съ усердной просьбой дозволить ему остаться на 1 сутки, въ виду того, что въ день высылки 1 Октября (Покровъ день) всѣ банки и лавки закрыты, и лишь 2 Октября онъ можетъ купить товаръ и представить счета, — осталась безъ послѣдствій. Такъ какъ пайщиками банкирской конторы состоятъ малолѣтніе его родственники, а онъ состоитъ повѣреннымъ ихъ матери — опекунши, то Предсѣдатель Минскаго Сиротскаго Суда Гр. Чапскій удостовѣрилъ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера телеграммой, что Цукерману, дѣйствительно, по дѣламъ опеки необходимо пріѣхать въ Москву и просилъ дозволить ему пріѣздъ; телеграмма была препровождена къ Генералъ-Губернатору, но послѣдній онъ нашелъ невозможнымъ удовлетворить просьбу Графа Чапскаго. Здѣсь, можетъ быть, умѣстно будетъ вспомнить, что во время коронаціонныхъ торжествъ изъ Москвы немедленно выселенъ былъ Минскій I гильдіи купецъ Веніаминъ Полякъ; онъ заявилъ, что пріѣхалъ для покупки товара и для присутствія при коронаціонныхъ торжествахъ. Это послѣднее обстоятельство и погубило его; Оберъ-Полицеймейстеръ призналъ такую цѣль пріѣзда настолько незаконной, что ее не могла покрыть и покупка товара, вполнѣ законная. Случай этотъ былъ настолько возмутителенъ, что Московскій Генералъ Губернаторъ отмѣнилъ распоряженіе полиціи черезъ полгода послѣ коронаціи.

Возвратимся теперь къ арестованнымъ евреямъ и ихъ судьбѣ.

Однимъ изъ поводовъ ареста и высылки служитъ невниманіе самой полиціи, выдающей евреямъ паспорта. По ст. 37 Полож. о видахъ на жительство, полиція дѣлаетъ въ паспортныхъ книжкахъ отмѣтки о принадлежности владѣльца ея къ купеческому сословію, для чего послѣдній предъявляетъ свое купеческое свидѣтельство; а по ст. 5 п. 5 Выс. Утв. Мнѣн. Гос. Сов. отъ 3 Іюня 1894 года евреи, пользующіеся правами временнаго пребыванія внѣ черты ихъ осѣдлости, обязаны предъявлять полиціи, независимо отъ вида на жительство, также и надлежащіе документы, удостовѣряющіе ихъ право на жительство въ данной мѣстности; по ст. 7 п. 5 того-же закона евреи, какъ въ случаѣ неимѣнія вида на жительство, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ обнаружены хотябы и съ видомъ на жительство, но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не имѣютъ права пребывать, высылаются въ мѣста постояннаго ихъ жительства и т. д.

И вотъ, къ пріѣзжему купцу еврею, не исполнившему на родинѣ предписанія 37 ст., — если полиція обнаруживаетъ иные недочеты въ его паспортѣ (не говоря уже о тѣхъ, кто дѣйствительно не имѣетъ права жительства въ Москвѣ), примѣняется ст. 7.

Собравъ въ участкѣ десятокъ другой арестованныхъ евреевъ, полицейскій надзиратель провѣряетъ ихъ права; кто обладаетъ всѣми правами, но аресто-

ванъ за отсутствіемъ въ карманѣ паспорта, того освобождаютъ, снесясь предварительно по телефону съ Участковымъ Управленіемъ по мѣсту его жительства въ Москвѣ, — прочіе-же остаются подъ арестомъ до слѣдующаго отходящаго по М. Бр. Ж. Д. поѣзда. На вокзалъ они препровождаются подъ конвоемъ городовыхъ, которые покупаютъ въ кассѣ на деньги этихъ невольныхъ пассажировъ билеты, записываютъ ихъ номера и присутствуютъ при отходѣ поѣзда. Снабженные, такъ называемыми, проходными свидѣтельствами, несчастные, осмѣянные толпой, опозоренные, лишенные заработка, купцы безъ товара ѣдутъ на родину, куда пересылаются ихъ паспорта, — ѣдутъ безъ остановки, потому-что съ проходными свидѣтельствами имъ нигдѣ нельзя остановиться.

Несчастіе никогда не обходится безъ осложненій — такъ и здѣсь. Разные мошенники и проходимцы, узнавъ, при какихъ обстоятельствахъ арестуютъ евреевъ, часто останавливаютъ ихъ внезапнымъ вопросомъ о паспортѣ и пр. Бывали случаи, когда испуганный купецъ откупался отъ мнимаго сыщика и лишь черезъ нѣсколько времени узналъ о своей ошибкѣ, когда его останавливалъ настоящій уполномоченный полицейскій агентъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о главномъ ловцѣ пріѣзжихъ евреевъ, Воеводинѣ.

Избравъ наблюдательный пунктъ противъ биржи и на перекресткѣ 2 переулковъ и площади, онъ, вы-

ражаясь военнымъ языкомъ, командовалъ мѣстностью, безошибочно высматривая и останавливая своихъ кліентовъ. Онъ былъ почти неподкупенъ, т. е. оставлялъ на свободѣ (за приличную мзду) лишь такихъ, которые безусловно не могли его скомпрометировать. Но за нѣсколько дней до перевода его въ другую часть, когда онъ уже зналъ о переводѣ, но фактически еще оставался на прежнемъ мѣстѣ, онъ покинулъ стезю добродѣтели, — и въ результатѣ получилась жатва въ нѣсколько сотъ рублей.

Но оставимъ купцовъ, приказчиковъ, торговлю и матеріальные интересы и перейдемъ къ тому, чѣмъ жива душа наша, обратимся къ религіи, образованію, и посмотримъ, что испытали евреи въ этой сферѣ въ то время, когда Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода во всеподданнѣйшемъ докладѣ увѣрялъ Государя Императора, что Россія единственная страна, осчастливленная истинной вѣротерпимостью.

23 Сентября 1892 года Государь Императоръ, по докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ о самовольномъ открытіи Раввиномъ Минором и Старостой Шнейдеромъ синагоги въ Москвѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1. Московскаго Раввина Минора уволить отъ сей должности съ водвореніемъ его на жительство въ чертѣ еврейской осѣдлости и съ воспрещеніемъ ему навсегда въѣзда въ мѣста, лежащія внѣ этой черты. 2. Старосту Шнейдера удалить изъ предѣловъ Москвы и Московской губерніи на 2

года и 3. объявить Московскому Еврейскому Молитвенному Обществу, что если къ 1 Января 1893 года выстроенное на Солянкѣ зданіе Синагоги не будетъ продано или обращено подъ благотворительное заведеніе, то оно будетъ продано съ публичныхъ торговъ Московскимъ Губернскимъ Правленіемъ.

Итакъ, Синагога, разрѣшенная къ постройкѣ надлежащей властью, строившаяся много лѣтъ и стоившая до 200000 р., съ трудомъ въ разное время собранныхъ, не была открыта. Оставалась въ Москвѣ довольно помѣстительная молельня банкира Л. С. Полякова при его домѣ, но тамъ разрѣшено было молиться только его семьѣ, и неоднократныя просьбы о разрѣшеніи открыть ее для общей молитвы оставлены безъ послѣдствій.

Кромѣ того было въ Москвѣ 14 молеленъ, устроенныхъ въ разныхъ частяхъ города, большей частью на задворкахъ, въ небольшихъ квартирахъ, при самыхъ убійственныхъ въ санитарномъ отношеніи условіяхъ.

Въ Мартѣ 1894 года, наканунѣ праздника Пасхи, послѣдовало соглашеніе между Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ и Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о закрытіи 9 молеленъ, причемъ, конечно, оставлены были самыя ничтожныя по размѣрамъ и самыя антисанитарныя. Въ уцѣлѣвшихъ 5 молельняхъ имѣется 816 мѣстъ, а между тѣмъ въ Москвѣ насчитывается болѣе 1500 однихъ евреевъ солдатъ расквартированныхъ здѣсь войскъ.

Обнаружившаяся тѣснота и невозможность молиться заставила въ Іюнѣ того-же года ходатайствовать о разрѣшеніи расширить эти молельни, и въ томъ-же мѣсяцѣ (за № 8081) Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ увѣдомилъ молитвенное Правленіе, что по вопросу о молельняхъ имъ было сдѣлано представленіе Его Императорскому Высочеству, въ силу котораго оставленныя 5 молелень признаны достаточными.

Въ 1895 г., наканунѣ осеннихъ праздниковъ, исполнявшій должность Предсѣдателя Правленія г. Шикъ вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи молиться въ молельнѣ Полякова, и тогда просьба эта была уважена на 9 дней, по истеченіи которыхъ запрещеніе вошло въ прежнюю силу, и молельня вновь закрылась для постороннихъ лицъ.

Давка въ молельняхъ приняла столь угрожающіе размѣры, что Правленіе вынуждено было повторять свои ходатайства и въ слѣдующіе праздники, но каждый разъ получался отказъ.

Послѣдняя попытка была сдѣлана 13 Ноября 1895 г. Была подана просьба о томы, чтобы Московскій Генералъ-Губернаторъ повергъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества ходатайство о разрѣшеніи открыть Синагогу къ предстоявшимъ Коронаціоннымъ Торжествамъ, въ видѣ особой милости, дабы Московскіе евреи имѣли возможность съ достойною торжественностью праздновать радостное

событіе. Просьбу эту Московскій Генералъ-Губернаторъ назвалъ дерзкимъ нарушеніемъ Высочайшаго Повелѣнія, и въ этихъ выраженіяхъ резолюція была объявлена всему составу Правленія, вызванному для этой цѣли къ Оберъ-Полицеймейстеру.

Благодаря этимъ мѣрамъ давка въ оставшихся молельняхъ приняла опасные размѣры, и пришлось запретить женщинамъ молиться, такъ какъ не хватало мѣста и для мущинъ и, при малѣйшемъ испугѣ, присутствіе женщинъ могло оказаться роковымъ.

Извѣстно, что для всѣхъ молитвъ во время праздниковъ и вообще для торжественныхъ молитвъ должно быть на лицо не менѣе 10 евреевъ, такъ что приходится собираться въ частныхъ квартирахъ по 10—20 человѣкъ для молитвы. Но полиція предупредила, что такія собранія будутъ считаться незаконными сборищами, а хозяинъ квартиры будетъ подвергаться преслѣдованію за открытіе молельни безъ разрѣшенія властей. И вотъ, во время осеннихъ праздниковъ 1897 года, производились строжайшіе обходы квартиръ: тамъ обыскивали всѣ комнаты и даже шкафы и если находили молящихся, то разгоняли ихъ, какъ заговорщиковъ и пользовались кстати случаемъ, чтобы провѣрить ихъ права на жительство. Во 2 уч. Мясницкой части, такимъ образомъ, былъ совершенъ обходъ почти всѣхъ квартиръ, занятыхъ евреями. Полиція пыталась проникнуть въ Александровскую казарму, гдѣ солдатамъ евреямъ разрѣшено

было молиться, въ виду отсутствія мѣстъ въ молельняхъ; туда-же приходили для молитвы и нѣкоторые невоенные евреи, которымъ положительно некуда было дѣться; имъ угрожала тяжкая для религіознаго человѣка перспектива не молиться въ синагогѣ въ самый важный и единственный въ году праздникъ Іомъ Кипуръ (постъ и отпущеніе грѣховъ). Сыщики узнали объ этомъ, и полиція нагрянула въ казармы. Но военное начальство воспротивилось такому вторженію полиціи, и ей пришлось ожидать окончанія молитвы; тогда переписали всѣхъ молившихся вмѣстѣ съ солдатами.

Въ исполненіе Высочайшаго Указа отъ 23 Сентября 1892 года въ зданіе Синагоги къ 1 Января 1893 г. переведены были два училища, на которыхъ мы остановимъ теперь наше вниманіе: Александровское Ремесленное Училище и Училище Пріютъ подъ названіемъ Талмудъ Тора. Достаточно будетъ привести только рядомъ документы, касающіеся открытія и закрытія этихъ учрежденій, чтобы безъ всякихъ комментаріевъ понять истинныя цѣли преслѣдователей.

Начнемъ съ Александровскаго Ремесленнаго Училища.

„Управленіе Московскаго Генералъ-Губернатора 1 отд. 2 ст. (4 Сентября 1880 г. № 4844).

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу о предложеніи Московскаго Еврейскаго Об-

щества ознаменовать день 25 лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества учрежденіемъ въ Москвѣ ремесленнаго училища и о ходатайствѣ наименовать это училище „Александровскимъ“, Высочайше Изволилъ изъявить на сіе свое согласіе, повелѣвъ при этомъ благодарить Московское Еврейское Общество за его вѣрноподданническія чувства.“

Второй документъ.

„Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ. Отдѣленіе хозяйственное 27 мая 1895 г. № 5532.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ по соглашенію съ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ и согласно отзыва Министра Народнаго Просвѣщенія призналъ соотвѣтственнымъ существующее въ Москвѣ, по временнымъ правиламъ, Еврейское Ремесленное Училище упразднить и обязать хозяйственное Правленіе: 1. со дня объявленія настоящаго распоряженія прекратить пріемъ воспитанниковъ въ названное училище и 2. отнюдь не оставлять обучающихся въ училищѣ на второй годъ въ одномъ и томъ-же классѣ. Означенное распоряженіе относится только до еврейскаго ремесленнаго училища, именуемаго „Александровскимъ“, и не касается до училища-пріюта, носящаго названіе Талмудъ Торы.“

Царь „благодаритъ“ и спеціальнымъ закономъ даетъ жизнь разсаднику знаній, и вотъ память о 25-лѣтіи царствованія стирается, какъ „временное правило“, усиліемъ трехъ высшихъ учрежденій, призван-

ныхъ каждое въ своей сферѣ соблюдать законы и подавать примѣръ вѣрноподданнической почтительности ко всякому слову, исходящему отъ Царя! Но когда рѣчь заходитъ о евреяхъ, нѣтъ надобности справляться ни съ основными законами, ни съ логикой и меньше всего съ справедливостью. Нельзя найти другой области, въ которой Министръ, не задумываясь, отмѣнилъ-бы Высочайшее повѣленіе простымъ предписаніемъ Оберъ-Полицеймейстеру.

Въ другомъ родѣ, но столь-же интересны документы, касающіеся другаго училища.

„Суточный приказъ Московскаго Оберъ-Полицеймейстера 16 Сентября 1871 г. № 259. Московскій Общественный Раввинъ Миноръ, въ виду того, что въ здѣшней столицѣ среди еврейскаго общества очень много еврейскихъ сиротъ обоего пола и особенно дѣтей, нуждающихся въ пріютѣ и первоначальномъ религіозно-нравственномъ воспитаніи, — въ мартѣ мѣсяцѣ сего года ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить на основаніи 1074 ст. XI т. ч. 1 Св. Зак. при молитвенномъ Правленіи, находящемся на Солянкѣ, въ д. Рыженкова, пріютъ для означенныхъ дѣтей, подъ именемъ Талмудъ Тора и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить ему для этой цѣли открыть добровольную подписку.

Нынѣ Московскій Генералъ-Губернаторъ увѣдомилъ меня, что Управленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и согласно ходатайства Раввина Минора

разрѣшаетъ устроить и содержать въ Москвѣ на счетъ добровольныхъ пожертвованій пріютъ для еврейскихъ дѣтей обоего пола подъ именемъ Талмудъ-Тора,*) но съ тѣмъ, чтобы пріютъ этотъ подчинялся въ учебномъ отношеніи училищному начальству и чтобы въ ономъ преподавался русскій языкъ."

Прежде чѣмъ представить документъ объ уничтоженіи этого училища, надо сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ среднія и высшія учебныя заведенія принимается евреевъ лишь 3 % общаго числа поступающихъ и кромѣ того заведенія эти доступны лишь для болѣе или менѣе зажиточнаго класса. Что касается Городскихъ школъ, то по статистическимъ изслѣдованіямъ, результатъ пріема въ Город. Нач. Уч. въ 1891/92 г. Москва 1892 г., произведеннаго Московской Городской Управой, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Изъ 100 православныхъ принято въ 1890—91 году 70. 7, не принято 26, 6, а изъ ста евреевъ принято 57, 7, не принято 42, 3; при этомъ надо замѣтить, что Москва дѣлится въ учебномъ отношеніи на 3 пояса, и первый и второй поясъ обнимаютъ тѣ мѣстности, гдѣ живетъ самая значительная доля Московскихъ евреевъ (внутри кольца, образуемаго Садовой улицей). И вотъ въ частности, въ этихъ-то двухъ поясахъ, непринятыхъ въ городскія школы еврейскихъ дѣтей

*) т. е. школа грамотности.

оказалось 64, 2 %. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ 90—91 году не было принято 73 ученика (16 мальчиковъ и 57 дѣвочекъ) только потому, что они евреи (какъ сказано въ отчетѣ). Въ 1891—92 году цифры приблизительно тѣ же; не принято 10 человѣкъ съ указаніемъ о дѣйствительной причинѣ отказа (іудейское вѣроисповѣданіе). Мальчиковъ принимаютъ меньше, чѣмъ дѣвочекъ; но тогда какъ православныхъ мальчиковъ принято меньше дѣвочекъ на 7, 6 %, у старообрядцевъ на 6 %, у евреевъ эта цифра вырастаетъ до 14, 9 %. Подводя итогъ, надо сказать, что въ то время, какъ изъ православныхъ, единовѣрцевъ и старообрядцевъ не принятыхъ оказывается немного болѣе 1/4 (26—27 %), изъ іудеевъ — болѣе 2/5 (42 %); а между тѣмъ по даннымъ 1890/91 года дѣтей православныхъ и пр., заявившихъ желаніе поступить въ школу, было 90, 5 %, общаго числа просителей, а евреевъ 5, 5 %; если-же принять во вниманіе, что въ то время православные, единовѣрцы и старообрядцы составляли примѣрно 91, 9 % всего населенія, а евреи 2, 0 %, то станетъ ясно, насколько усиленнѣе въ еврейскомъ населеніи спросъ на первоначальное обученіе (населеніе евреевъ меньше общаго числа населенія въ 45 разъ, а желающихъ поступить въ школу лишь въ 15 разъ, что даетъ отношеніе 45: 15, т. е. 2: 1). Прибавьте, что отказы вообще въ $1^1/_2$—2 раза чаще встрѣчаютъ евреи, (если брать абсолютныя цифры), и тогда будетъ ясно, что, относительно говоря отказъ

постигаетъ еврейскаго мяльчика и дѣвочку въ 5—6 разъ чаще.

Съ 1891—92 года обстоятельства стали, конечно, тяжелѣе, потому-что духъ времени обуялъ не однихъ чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и уловилъ въ свои сѣти массу добровольцевъ.

По закрытіи Александровскаго Ремесленнаго Училища, Училище-Пріютъ подлежало перенесенію въ зданіе Синагоги, для чего, по предписанію власти, пришлось перестроить зданіе внутри для приспособленія подъ училище. Былъ представленъ планъ, который былъ утвержденъ Губернскимъ Правленіемъ, Управой и Генералъ-Губернаторомъ, затрачено было на перестройку тысячъ восемь. Комиссія, командированная для осмотра, возраженій на мѣстѣ не представила, но донесла Московскому Генералъ-Губернатору, что хотя и не замѣчается въ работахъ никакихъ отступленій отъ утвержденнаго плана, но изъ всего характера передѣлки явно намѣреніе привести зданіе въ такой видъ, чтобы, въ случаѣ, если во взглядахъ правительства произойдетъ поворотъ, оно могло быть превращено вновь въ Синагогу безъ капитальной перестройки зданія. Такой „обходъ“ представляется почти преступнымъ для чистыхъ сердецъ чиновниковъ, знающихъ лишь прямые пути; этимъ объясняется упрекъ, сдѣланный въ предложеніи Генералъ-Губернатора, которое было сообщено Оберъ-Полицеймей-

стеромъ въ отношеніи отъ 24 Окт. 1897 г. о закрытіи училища... Но объ этомъ послѣ.

Возвращаясь къ училищу, замѣчу, что въ немъ находило пріютъ, одежду, пищу и обучалось Закону Божію, русскому языку, чистописанію, географіи, арифметикѣ, еврейскому языку и исторіи еврейскаго народа значительное сравнительно количество бѣдныхъ дѣтей, преимущественно сиротъ въ 1892/93 году 65 мальчиковъ, въ 1893/94 70, въ 1894/95 62, въ 1895/96 60, въ 1896/97 44.

Преподаваніе велось въ училищѣ такъ успѣшно, что Инспекторъ Народныхъ Училищъ не только лично, но и въ оффиціальныхъ бумагахъ выражалъ полное удовольствіе по поводу порядка и успѣховъ дѣтей, особенно въ выговорѣ русскаго языка, и даже рекомендовалъ расширить курсъ ученія для предоставленія оканчивающимъ льготы 3-го разряда по воинской повинности.

Но и это училище не надолго пережило Ремесленное. Изъ отчета Хозяйственнаго Правленія Московскаго Еврейскаго Общества за 1896 г. видно, между прочимъ, что уцѣлѣвшіе еще остатки благотворительныхъ и образовательныхъ учрежденій Московскихъ евреевъ не давали покоя Администраціи и послѣ перестройки синагоги и затратъ, на нее сдѣланныхъ. Смотритель Училища, Фидлеръ, проживавшій въ Москвѣ 10 лѣтъ, вдругъ оказался не имѣющимъ права жительства и былъ выселенъ изъ столицы; съ его выселеніемъ дѣти

остались безъ преподавателя Закона. Раввинъ предложилъ замѣнить учителя, безъ особаго на то вознагражденія, но разрѣшенія не получилъ. Попечитель Московскаго Округа потребовалъ представленія „вполнѣ убѣдительнаго“ доказательства, что въ училищѣ разрѣшено преподаваніе вышеупомянутыхъ предметовъ и „документа, на основаніи котораго учреждено училище, а въ случаѣ неимѣнія такого документа“, обязывалъ — принять мѣры къ немедленному закрытію училища (отношенія Попечителя Округа отъ 16 Окт. 1896 г. № 20433, 2 Ноября 1896 г. № 21864 и 2 Декабря 1896 г. № 23604). Грозила бѣда и при томъ, казалось, неустранимая, потому-что „документа“ не было, училище было открыто на основаніи суточнаго Приказа Оберъ-Полицеймейстера. Но послѣ многократныхъ объясненій и просьбъ была представлена къ утвержденію программа, хотя она отлично была извѣстна начальству, которое, посѣщая училище, постоянно выражало, по поводу преподаванія и успѣховъ учениковъ, свое одобреніе.

Къ великой радости учителей (изъ нихъ трое были православные) и родителей, Попечитель (1 мая 1897 г. № 10039) объявилъ, что къ оставленію пріюта Талмудъ Торы препятствій со стороны Управленія Округа не будетъ. Но вслѣдъ затѣмъ, 28 Іюля 1897 г. за № 9206, Московскій Оберъ-Полицеймейстеръ вдругъ заинтересовавшись училищемъ, предложилъ Хозяйственному Правленію представить свѣ-

дѣнія о количествѣ дѣтей въ еврейскомъ училищѣ и о числѣ обучавшихся въ послѣдніе 5 лѣтъ.

Ровно черезъ три мѣсяца, 28 Октября, объявлено хозяйственному правленію слѣдующее распоряженіе Московскаго Генералъ-Губернатора:

„М. В. Д. Московскаго Оберъ-Полицеймейстера Канцелярія. Отдѣленіе Хозяйственное Октября 24 дня 1897 г. № 13 624.

Г. Приставу 2 участка Мясницкой части.

Въ виду незначительности числа учениковъ, обучающихся въ Московскомъ Еврейскомъ Училищѣ-Пріютѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Талмудъ-Торы, и такъ какъ дѣти евреевъ, проживающихъ въ Москвѣ, не лишены по закону права поступать въ общеобразовательныя учебныя заведенія, названный пріютъ, по соглашенію Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора съ Управляющимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, подлежитъ къ закрытію.

Вслѣдствіе сего и согласно предложенію Его Императорскаго Высочества за № 2491, предписываю Вашему Высокоблагородію о вышеизложенномъ объявить хозяйственному Правленію для Еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій г. Москвы, подъ росписку, съ тѣмъ, чтобы Правленіе это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня отобранія помянутой подписки озаботилось обращеніемъ зданія, въ которомъ нынѣ помѣ-

щается сказанный пріютъ, подъ благотворительное заведеніе или больницу.

При этомъ предлагаю Вамъ предупредить Правленіе, что неисполненіе имъ распоряженія въ назначенный срокъ, а равно допущеніе какихъ либо отступленій при передѣлкѣ зданія для новаго его назначенія, подобно самовольно допущеннымъ правленіемъ при приспособленіи таковаго для размѣщенія въ немъ пріюта Талмудъ Тора, вызоветъ немедленное распоряженіе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго Повелѣнія 23 Сентября 1892 года, въ силу котораго зданіе, предназначавшееся подъ синагогу, подлежитъ продажѣ съ торговъ.

Подписку названнаго Правленія въ объявленіи и въ обязательствѣ точнаго исполненія всего вышеизложеннаго представить ко мнѣ, учредивъ съ своей стороны строгое наблюденіе за своевременнымъ исполненіемъ сказаннаго и о послѣдующемъ донести. Исправляющій должность Оберъ-Полицеймейстера Полковникъ Треповъ. Управляющій Канцеляріею Бельгардъ."

Для совершеннаго уясненія смысла приведеннаго распоряженія слѣдуетъ замѣтить, что, въ виду слѣдующихъ одно за другимъ распоряженій о закрытіи еврейскихъ благотворительныхъ учрежденій въ Москвѣ, Московскіе евреи не имѣютъ теперь въ виду ни одного благотворительнаго заведенія, которое могло-бы быть ими устроено въ злополучномъ зданіи сина-

роги, — не имѣя къ тому-же никакихъ гарантій, что, если-бы и удалось найти благотворительное дѣло, полезное и дѣйствительно нужное, а также и новыя тысячи для новыхъ передѣлокъ и перестроекъ, администрація не найдетъ столь-же серьезныхъ, какъ въ послѣднемъ случаѣ, мотивовъ для уничтоженія и этого дѣла.

Такимъ образомъ училище, въ которомъ получали общее религіозно-нравственное образованіе, пищу, одежду и обувь неимущіе сироты, пало жертвой замаскированнаго стремленія Московской Администраціи во чтобы то ни стало свести Высочайшее Повелѣніе 23 Сентября 1892 г. къ послѣднему его пункту, т. е. къ продажѣ Храма Божія съ торговъ.

Можно было-бы указать на то, что въ этомъ пріютѣ учились дѣти самыхъ бѣдныхъ евреевъ и по преимуществу круглые сироты; что при поступленіи въ общеобразовательныя заведенія приходится считаться съ усиленными отказами, исключительно зависящими отъ вѣроисповѣданія дѣтей... Можно было-бы сказать... Да нѣтъ, ничего нельзя сказать, когда въ странѣ, справедливо славящейся своимъ благочестіемъ, присутствуешь при чтеніи приказа объ уничтоженіи храма, дома мира и молитвы, когда нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что храмъ этотъ купитъ богатый предприниматель и передѣлаетъ подъ конюшню, трактиръ или увеселительное заведеніе... Ничего нельзя сказать, а надо молчать и взывать къ

Богу, ибо человѣческій разумъ отказывается постигнуть, какъ можно жить одновременно въ концѣ XIX столѣтія и въ эпоху испанской инквизиціи.

Отказывается человѣческій разумъ постигнуть, почему затмѣніе сердецъ такъ продолжительно и гдѣ разгадка этой безконечной злобы, изобрѣтательной и неослабѣвающей, по отношенію къ изнеможденному, униженному, поверженному въ прахъ брату, который покланяется тому-же Богу и, можетъ быть, рядомъ съ палачемъ своимъ предстанетъ предъ Судію Праведнаго и Нелицепріятнаго.

— — — — — — — — — — — — — — — — —

Примѣч. Достойно особеннаго вниманія, что такъ называемые Николаевскіе солдаты (большей частью, кантонисты, т. е. насильно отобранныя у родителей въ царствованіе Императора Николая I дѣти, сданныя въ солдаты и прослужившія затѣмъ по 20—30 лѣтъ) были также выселены изъ Москвы, несмотря на то, что имъ и потомству ихъ даровано право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства. Для оправданія такого нарушенія закона и воинской чести были привлечены формальныя соображенія о томъ, что всякій отставной солдатъ стараго набора (т. е. до 1874 г.) обязанъ приписаться къ какому-либо обществу, а потому дозволено было остаться лишь тѣмъ, кто въ свое время приписался, къ Москвѣ или Московскому уѣзду. Нечего и говорить, что еврей, окончившій срокъ своей военной службы по новому воинскому уставу, немедленно, въ день окончанія, выселяется въ черту осѣдлости, если не имѣетъ самостоятельнаго права жительства.

И рядомъ съ этимъ фактомъ нельзя забыть, что на стѣнахъ часовни (на Ильинской площади), построенной въ память гренадеръ, павшихъ геройской смертью подъ Плевной, изображены имена и фамиліи героевъ, и среди нихъ не мало именъ евреевъ, проливавшихъ кровь и отдавшихъ жизнь за отечество.

Предисловіе.

Разсказъ этотъ написанъ любимѣйшимъ моимъ ученикомъ первой моей школы 1862 года, тогда милымъ 12-тилѣтнимъ Васькой Морозовымъ*), теперь уважаемымъ 60-тилѣтнимъ Василіемъ Степановичемъ Морозовымъ.

Какъ тогда мнѣ были особенно дороги въ миломъ мальчикѣ его чуткость на все доброе, его сердечность и, главное, всегдашняя искренность и правдивость, — такъ и теперь мнѣ особенно понравились тѣ-же черты въ этомъ простомъ разсказѣ, такъ ярко отличающемся своей правдивостью отъ большинства литературныхъ писаній.

---

*) О немъ я писалъ въ 1862 г. въ статьѣ: «Кому у кого учиться писать, крестьянскимъ ребятамъ у насъ или намъ у крестьянскихъ ребятъ», помѣщенной въ IV томѣ полнаго собранія моихъ сочиненій.

Чувствуешь, что тутъ нѣтъ ничего придуманнаго, сочиненнаго, а разсказано то, что именно такъ и было, — выхваченъ кусочекъ жизни, и той именно русской жизни съ ея грустными, мрачными, и дорогими, задушевными чертами.

Думаю, что я не подкупленъ моей привязанностью къ сочинителю и что читателямъ разсказъ полюбится такъ же, какъ и мнѣ.

Левъ Толстой.

1908 г. 18 іюля.

Какъ-то въ эту зиму мнѣ пришлось пить чай въ знакомомъ трактирѣ. Дѣло было въ четыре часа пополудни, и мнѣ по обыкновенію, какъ завсегдатаю трактира «изъ уважительности» подали газету.

Надѣвъ свои стариковскіе очки, я уткнулся въ газету и занялся чтеніемъ статьи о Львѣ Толстомъ.

Въ трактирѣ было тихо, народу было мало, и я весь отдался чтенію.

Оторвалъ меня отъ чтенія подошедшій ко мнѣ старикъ въ зипунѣ, лаптяхъ и съ сумочкой на рукѣ. Онъ слегка дотронулся своей рукой до моего плеча и проговорилъ:

— Не дадите-ли копеечку? Ѣсть хочется.

Мнѣ стало досадно на то, что нахалъ этотъ

тревожитъ меня. И, считая себя самого бѣднякомъ, чуть ли не нищимъ, хотя я и не побираюсь, я съ досады, не отрываясь отъ газеты, проговорилъ:

— Много васъ тутъ шатается голодныхъ; я и самъ голоденъ, ну тебя къ чорту!

И, сказавъ это, сталъ опять читать.

Но чтеніе мое прервалъ странный звукъ: рыданія и всхлипыванія.

Я скинулъ очки, положилъ на газету и посмотрѣлъ на просителя. Это былъ старикъ, очевидно крестьянинъ, блѣдный, худой, сгорбленный. Онъ стоялъ не двигаясь, и изъ впалой груди его, не переставая, разъ за разомъ вырывались рыданія и всхлипыванія.

Мнѣ стало вдругъ и стыдно и больно. Что-то мнѣ подступило къ горлу, и я самъ едва удержался отъ слезъ; мы, старые люди, слабы на слезы, мнѣ было стыдно, и я въ душѣ старался оправдать себя за то, что не подалъ ничего, да еще и послалъ его къ чорту: «Я самъ голодный, безъ работы и съ большимъ семействомъ на рукахъ», подумалъ я про себя. Но сейчасъ же въ душѣ моей заговорилъ

голосъ совѣсти: «А все-таки не надо было такъ поступать съ нимъ. Все-таки нехорошо, нехорошо сдѣлалъ ты, братъ Василій», говорилъ я себѣ.

Я не зналъ, что заставило его такъ разрыдаться: нужда ли въ хлѣбѣ или мой грубый отказъ. Во всю свою 60-тилѣтнюю жизнь я мало видѣлъ радостей, и съ тѣхъ поръ, какъ сталъ помнить себя, мнѣ нерѣдко приходилось испытывать на себѣ черствость людей и слышать отъ нихъ такія же слова, какъ тѣ, какія я сказалъ этому старику, но все-таки мнѣ было больно и стыдно.

Я сидѣлъ; онъ стоялъ передо мною, и съ минуту мы молча смотрѣли другъ на друга. Я долго не находилъ словъ, чтобы заговорить съ нимъ, но наконецъ, поборовъ смущеніе, я такимъ же неровнымъ, робкимъ голосомъ, какимъ онъ просилъ у меня за минуту передъ тѣмъ копейку, сказалъ:

— Чего же ты, другъ, плачешь? Вѣдь этимъ не поможешь, нужно терпѣть.

— Тяжело терпѣть . . . Пытался работишки найти. Нѣту. Милостыню просить, — дѣло непривычное . . . Тоже не даютъ. Вотъ какъ выпустили

изъ тюрьмы, повѣришь ли, дядюшка, третій день фунтъ хлѣба не доѣлъ. Затощалъ страсть!

И онъ опять заморгалъ глазами и засопѣлъ носомъ, и слезы опять выступили ему на глаза.

Мнѣ было неловко, но такъ какъ мнѣ казалось, что человѣкъ этотъ, выпущенный изъ тюрьмы, не объ одномъ хлѣбѣ такъ убивается, что есть на душѣ у него что-нибудь поважнѣе, я попытался разговориться съ нимъ, чтобы, если можно, утѣшить его.

— Слезами, братъ, не поможешь, — сказалъ я, — а больше себя разстроишь. Вотъ садись со мной здѣсь, поговоримъ. Разскажи все толкомъ.

Старикъ подсѣлъ ко мнѣ. Сумочку свою положилъ къ себѣ на колѣни; и я началъ его спрашивать.

— Ты откуда будешь самъ-то?

— Я-то? Я самъ Курской губерніи, уѣзда Обоянскаго, Рыбацкой волости, села Бобровка.

— Какъ же ты сюда то попалъ?

— Какъ попалъ? Выслали сюда.

— За что же такъ?

— Выслали-то? Да за слово, за одно слово.

— Какое-же такое слово, милый человѣкъ?

Онъ замялся, какъ бы боясь мнѣ сказать, за какое слово онъ страдаетъ. Хотя я и крестьянинъ, но одѣтъ былъ по-городски: на мнѣ былъ пиджакъ и крѣпкіе сапоги съ галошами, передо мной лежали газета и очки. Все это онъ пытливо и недовѣрчиво осмотрѣлъ и замолчалъ, вѣроятно подозрѣвая меня въ какихъ-нибудь недобрыхъ замыслахъ. «Не спроста, молъ, разспрашиваетъ меня, что, да за что, да откуда.» И старикъ замолчалъ, вѣроятно думая, что лучше доброе молчаніе, чѣмъ слово невпопадъ.

Я понялъ, что ему тяжело сказать это слово, за которое онъ страдаетъ, незнакомому, городскому человѣку, который можетъ оказаться волкомъ въ овечьей шкурѣ. И, понявъ это, я не старался болѣе вызвать его на откровенность, хотя мнѣ и очень хотѣлось узнать, какъ могъ попасть такой человѣкъ и быть высланъ, какъ онъ очевидно былъ высланъ за «политическія дѣла».

Я зналъ много политическихъ, съ нѣкоторыми изъ нихъ жилъ даже на одной квартирѣ. Это

большею частью были люди молодые, развитые, самоувѣренные краснобаи. Какъ же могъ попасть въ политическіе такой, совершенно непохожій на этихъ людей, жалкій старикъ.

— Вотъ что, — сказалъ я ему, — ты вотъ поди теперь вонъ въ тотъ зальчикъ, посиди тамъ съ полчаса. А когда соберутся извозчики, я постараюсь собрать тебѣ съ ихъ помощью сколько возможно; а теперь закажи себѣ щей и проси хлѣба, сколько съѣшь.

— А какъ же, денегъ то у меня нѣтъ? Ну-ко!

— Ну-ко, проси, ѣшь, деньги уплотимъ.

Старикъ пошелъ. Я остался опять одинъ; надѣлъ очки и сталъ дочитывать статью. И опять мое чтеніе прервали. Подошелъ половой.

— Василій Степановичъ! Вы приказали подать старику щей и хлѣба?

— Да.

— Вы заплатите 12 копеекъ?

— Да.

Черезъ полчаса не болѣе, всѣ столы были заняты извозчиками: они проводили поѣздъ и

собрались на вечерній чай и ужинъ. Тихій до этого трактиръ сталъ шумнымъ отъ разговоровъ: кто разсказывалъ про жандарма, кто про пассажира, кто ругалъ ухабистую дорогу. Разсказы перебивали одинъ другой, вперемежку съ бранью и остротами.

Я сидѣлъ, выжидая времени, чтобы обратиться къ товарищамъ съ своимъ воззваніемъ. Я самъ много лѣтъ былъ извозчикомъ. И я всѣхъ зналъ, и меня всѣ знали. Спустя полчасика разговоры стали смолкать, всѣ занялись ѣдой, чаепитіемъ и бражничаньемъ за полбутылкой. Я долго не рѣшался начать. Наконецъ набрался смѣлости и обратился къ болѣе другихъ надежному въ этомъ дѣлѣ человѣку, котораго всѣ звали Алехой, но для такого торжественнаго случая я назвалъ его Алексѣемъ Титычемъ.

Я разсказалъ ему подробно въ чемъ дѣло и предложилъ вмѣстѣ вызвать у товарищей сочувствіе къ бѣдному человѣку, нашему брату крестьянину, который страдаетъ, какъ самъ говоритъ, за одно слово и проситъ помочь ему.

Я вызвалъ старика изъ темнаго зальчика. Со стороны извозчиковъ не было вопросовъ: «чей? откуда? за что?» Какъ по командѣ, всѣ одинъ за другимъ стали вынимать кошельки, и помощь въ видѣ мѣдныхъ монетъ потекла со всѣхъ сторонъ въ руки старику.

— Не взыщи, старичекъ, нынче какъ есть, ни за что пропадешь, — говорили жертвователи, подавая.

Старикъ былъ совсѣмъ растроганъ и едва успѣвалъ кланяться жертвователямъ. Дѣло было сдѣлано: у старика была полная горсть мѣдяковъ.

Теперь я ужъ не боялся испугать старика своимъ любопытствомъ и просилъ высказать мнѣ, отчего съ нимъ это случилось. Я попросилъ его посидѣть со мной, и, когда онъ присѣлъ, я спросилъ:

— За какое же слово тебя, милый человѣкъ, выслали сюда?

Его прежняя робость прошла. Онъ окинулъ взглядомъ жертвователей, какъ бы приглашая и ихъ послушать, и началъ свой разсказъ.

— Тяжело, другъ, охъ какъ тяжело! Вѣрите ли, Богу одному извѣстно. Онъ порукой намъ, батюшка, что я правду говорю. Только за одно слово потерпѣлъ. Дѣло такъ было. Былъ у насъ въ губерніи, въ Курскѣ, погромъ. Я, чай, слышали?

— Да, какже, — подтвердили нѣкоторые, — и въ газетахъ писали.

— Ну, вотъ . . . да, да, може и писали въ газетахъ, но слушокъ то вездѣ былъ. Такъ вотъ: начали крестьяне господъ разорять, все у нихъ отбирать, увозить, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поджигать начали.

— Чтожъ, и ты, дядя, тамъ, значитъ, дѣйствовалъ? — спросилъ Алеха.

— Я то? То-то и дѣло, что нѣтъ. Меня за слово выслали, за одно слово. Ѣду я разъ изъ своего города, изъ Обояни, и ѣдутъ со мной нашего барина работники — хуторцы. Слово за слово. Тары — да бары . . . Разговорились. Они меня знаютъ, и я ихъ знаю. Они говорятъ: «Вотъ хорошо, Микишка, ваши обоянцы очистили свое

поле отъ нашего барина, теперь очистили бы отъ этого хутора, сожгли бы и его. А я только и сказалъ: наши обоянцы очистили свое поле отъ вашего барина, а вы сами, коли охота, поджигайте свой хуторъ.» Тѣмъ разговоръ у насъ съ ними и кончился. Только это сказали и попрощались, и поѣхали они своей дорогой, я — своей.

И забылъ я и думать про это. Живу дома. Только такъ черезъ недѣлю . . . Дѣло къ вечеру. Полѣзъ я на печку. Лежу. И только сталъ засыпать, забываться, кто-то загрохалъ въ раму. «Охъ ты, пусто тебя возьми!» даже дрогнулъ. Дочь моя старшая вышла отворить. Я приподнялъ голову. Слухаю. Кто такой дурашливый? Слышу, спрашиваетъ меня. Имя и фамилію свою слышу. Дочь говоритъ ему: «Дома, на печи лежитъ.» Не пойму, чей голосъ. Смотрю, въ хату лѣзетъ стражникъ. «Гдѣ онъ тутъ?» Называетъ меня. Я такъ и обмеръ. Думаю, зачѣмъ я ему понадобился? А этого и въ головѣ не держу, что у насъ съ работниками разговоръ баялся. «Но, слѣзай, одѣвайся скорѣй, живо маршъ, въ станъ къ исправнику!»

Я пытался спросить, зачѣмъ, а онъ, псяга, несговорчивый оказался, даже притопнулъ ногой и крикнулъ: «Не разсуждать, живо!» Я второпяхъ надѣлъ вотъ эту свитку. Даже и вязанки на руки не захватилъ. Вышелъ и пошелъ. Онъ сѣлъ на коня верхомъ и меня гономъ погналъ. Ребятишки мои перепугались. У меня пятеро дѣтей, самая старшая дочь 17-ти лѣтъ и мальчикъ 12-ти, остался хозяинъ, а тѣ все меньше и меньше. Всю деревню они меня проводили, кричали благимъ матомъ, плакали.

И старикъ задыхнулся, грудь его заколыхалась, плечи задергались, а лицо исказилось, и онъ ладонью закрылъ глаза.

— Охъ, какъ трудно, братцы, разставаться, вѣдь у меня старшая дочь, не спусти Богъ съ порукъ, а сынишка . . . что-жъ онъ вѣдь пискленокъ, а я вотъ тутъ какъ былинка, за глазами у пятерыхъ. Видите: во мнѣ силы-то осталось золотники, а мучиться-то еще сколько! Господи, кажется, цѣлый вѣкъ прожилъ бы скорѣе, нежели протяну эту годину!

— Да изъ-за чего же все это вышло?

— А вышло это отъ того — такъ люди сказывали: работники барскіе пріѣхали домой, да и скажи управляющему: «Вотъ, говорятъ, мы ѣхали съ Микишкой; Микишка намъ разсказалъ, какъ ихніе обоянцы очистили свое поле отъ барскаго помѣстья, теперь, говоритъ, чередъ за вами, очищайте свой хуторъ барскій.» Управляющій передалъ барину, а баринъ нашъ подполковникъ отставной; онъ написалъ губернатору бумагу, вотъ, молъ, такой-то крестьянинъ Микишка подстрекаетъ моихъ работниковъ на поджогъ моего хутора; а я этого и въ головѣ не держалъ.

Куда? Да перво пригналъ меня стражникъ въ станъ къ исправнику. Дѣло уже поздно было. Посадили меня они въ арестный домъ, потому вечеромъ меня не допрашивали. Ночь мнѣ, дѣтки, показалась за недѣлю. Я и глазъ не сомкнулъ. Ну думаю, исправникъ долго не будетъ держать меня: спроситъ что, и — домой. Дома высплюсь. Вотъ вижу, разсвѣтаетъ. Утро. Жду, жду и таково-то долго. Все меня не зовутъ. А душа просто изъ

тѣла выскочить хочетъ. Сердце: «екъ, екъ!» Охъ, думаю, недоброе будетъ. Слышу стукъ въ моемъ казематѣ. Ну, молъ, къ Іисусу, Микишка. Замокъ звякнулъ; дверь отворилась, привели меня къ исправнику. Исправникъ глянулъ на меня, покачалъ головою и говоритъ: «Однако ты, братъ, на старости лѣтъ на хорошую попалъ дорожку. Тебѣ бы внушать молодымъ, а ты самъ . . . Какъ онъ бишь назвалъ слово-то это мудреное: «про — про — пади», что ли . . . нѣтъ, не выговорю, запамятовалъ.

— Пропагандиромъ сталъ, — подсказалъ кто-то.

— Такъ, это самое. Я и сейчасъ не знаю, къ чему это слово клонитъ. Потомъ взялъ бумагу и говоритъ: «Вотъ слушай, эта бумага отъ губернатора приказъ», и началъ читать. Въ глазахъ у меня затуманило; голова кругомъ пошла, и ничего я не понялъ, только понялъ слова, что будто я къ поджогу подговаривалъ. Кончилъ онъ читать и говоритъ: «Ну, въ какой губерніи ты желаешь поселиться?» Я молчу, не знаю, что ему сказать. Онъ опять повторяетъ. «Въ какой губерніи?» Я

стою, какъ статуй. «Ну, я тебѣ назначаю мѣсто въ Тулу. Слышишь, что я тебѣ сказалъ?» — Слушаю, а теперь, васкородіе, можно идтить совсѣмъ домой? — «Возьмите его и отведите!» Тутъ стояли два солдата и меня подъ конвоемъ отвели въ тюрьму. Сабли на голо, одинъ впереди, другой позади . . . какъ лютаго звѣря. Тамъ я просидѣлъ двѣ недѣли, а потомъ меня этапомъ привезли въ Тулу. Отродясь не былъ тутъ. Повѣрите ли, дѣтки, три дня ходилъ съ фунтомъ хлѣба. Затощалъ. Насчетъ работенки у васъ, я вижу, туговато; пытался куда устрять, да нѣту. Тоже милостыню просить — дѣло непривычное — никто не подаетъ. Дай Богъ вамъ добраго здоровья, дѣтки, навелъ меня Богъ на васъ. Нахлебался и хлѣба досыта наѣлся, и вотъ, про запасъ еще собрали. Богъ вамъ невидимо Царство Небесное пошлетъ.

И онъ началъ креститься и кланяться на всѣ стороны.

— Благодарствуйте!

— Что же тебѣ судъ былъ? — спросилъ кто-то.

— Какой судъ? Никакого суда не было. Съ нами судъ короткій!

— Ну, а потомъ куда же они привели тебя? — спросилъ я.

— Что же теперь дѣлать, дѣдъ? Умирать все равно на своей ли пашнѣ, на чужой ли, — земля и земля . . . А дѣти выростутъ безъ тебя, авось мы всѣ въ кабалѣ; вонъ говорятъ и въ газетахъ пишутъ, по однимъ острогамъ большія тысячи сидятъ. Кто за правду, а кто и за неправду, кого повѣсили, кого зарѣзали, застрѣлили, вотъ тебѣ и свѣту конецъ! Живи, дѣдъ, пока сама душа не выйдетъ.

Старикъ повернулъ голову въ ту сторону, откуда проповѣдывалъ ему голосъ и какъ будто въ знакъ согласія передернулъ плечами, почесываясь отъ насѣкомыхъ, которыми его щедро наградила тюрьма.

— Дѣдъ, тебѣ бы въ баню нужно, — замѣтилъ кто-то, — да въ жаркой печи одеженку бы выжарить, а то острожные квартиранты заѣдятъ.

— Да, дитенокъ, давно не мылъ тѣло. Ну братья, твори Богъ волю свою. Спасибо вамъ.

— Не на чемъ, не на чемъ, дѣдушка. Заходи коли еще когда. Мы тебѣ еще соберемъ.

— Спасибо, спасибо, милые мои; мнѣ може завтра счастье выпадетъ. Меня обѣщались взять на конку въ поденщики; а теперь простите меня, дѣтки; я пойду, не обезсудьте.

— Куда же, въ ночлежный?

— Нѣтъ, я тамъ ночевалъ. Народъ тамъ — Боже упаси. Пойду, ночую на вокзалѣ, а завтра можетъ Богъ дастъ на конку.

Я вышелъ съ нимъ вмѣстѣ изъ трактира, и мы распростились. Я пожалъ ему руку.

— Спасибо, отецъ, — сказалъ онъ, — я съ вами отдохнулъ.

Снялъ шапку, перекрестился и направился на вокзалъ, а я домой.

Вотъ, подумалъ я, человѣку приходится влачить свою старческую жизнь вдали отъ своихъ дѣтей. Годъ великъ. Доживетъ ли онъ увидѣть

своихъ сиротъ, и что будетъ со старшей дочерью, о которой онъ говорилъ: «не спусти Богъ съ порукъ.» Все можетъ случиться. Кто замѣнитъ ей отца. Скорѣе безпризорныя натыкаются на такихъ, что обманутъ и опозорятъ.